

2. Москва
"Космос. правда" 11 апр 1975

ОДНА из самых красивых легенд, живущих в стенах МХАТа,— легенда о Василии Ивановиче Качалове. Мы, историки театра и его критики, знаем, что нередко возникает некая грань, отделяющая личность художника от его творчества. Она, эта грань, еле заметна, стерта в учебниках, но существует в тех же легендах, сопровождающих историю. Однако нет такой грани в Станиславском! Нет ее и в Качалове — любой помнящий его мхатовец подтвердит это. Тут не просто «великий актер», «100 лет со дня рождения...», «образы, созданные...» и т. п. — тут редчайший случай полной

то, и другое, а еще и третье, и четвертое, чему названия я не знаю. Знаю только, что по сложности трактовки, по смелости эта игра не просто современна, но наисовременна, если позволено такое определение.

Удивительно сходятся все, кто говорит о красоте Качалова, артиста и человека. С актером ли говоришь, или со зрителем, у всех светлеют лица, как от воспоминания о чем-то редко-стено-прекрасном. И тут дело, конечно же, не только в красоте внешней. Они умели жить в искусстве, эти удивительные люди, Станиславский и его ученики, умели оставлять за порогом искусства все мелкое, все

Великий Качалов

К 100-летию со дня рождения

гармонии творчества и личности, человеческого и художественного.

Все меняется и в жизни, и в искусстве — это истина. Но послушайте, как Качалов читает стихи Блока о России или то место из «Воскресения» Толстого, когда Катюша бежит за поездом («Тетенька Михайловна, тетенька Михайловна, платок потеряли...») — и станет ясно, что при всей неизбежной смене театральных стилей и мерок есть нечто, может быть, даже ни к какому стилю не относящееся и привычными мерками не измеряемое. Есть та правда искусства, которая так плотно соприкасается с душой художника, что исключает малейший оттенок обмана и потому не подвластна времени. Правда — и все тут.

Когда прослушиваешь качаловские записи или просматриваешь кинокадры с участием этого актера, невольно отмечаешь и непривычные сегодняшнему слуху модуляции голоса, и элементы внешней патетики. Но тут надо знать, насколько сам Качалов был строг ко всему, что им читалось и игралось, как жестоко браковал он многие из тех записей, которые сегодня считаются драгоценными, как в самом себе он браковал все, что неестественно, не просто.

Мы не видели ни Гамлета, ни Бранда, ни Тузенбаха — всего того, что сделало Качалова кумиром нескольких поколений. Но посмотрите фильм-спектакль «На дне», где в ансамбле мхатовцев Качалов играл Барона. Много прекрасных актеров вокруг, а Качалов — один, ни с кем не сравним. И глуп этот Барон, и ничтожен, и противен даже — ведь это уже совсем последняя степень падения на «дно», но какая-то странная, щемящая нота недоумения окрашивает это исполнение...

Человек прожил жизнь и ничего не понял — ни в ней, ни в самом себе, ни в том, по каким законам так легко и просто скатился на дно. Можно увидеть в этом комедию. Можно — драму. Качалов видит и

лишнее. Или мелкого в этих людях просто не было?

Может быть, это наивно, но мне кажется, что столь интенсивна была их творческая жизнь, что прочему просто не находилось места. Я думаю, что потому и стареть они умели как-то красиво, особенно. Разве случайно, что и Станиславский, и Качалов именно в последние годы жизни вдруг раскрылись по-новому, с новой и неожиданной силой. Режиссер-учитель до последних дней был одержим тем, чтобы передать, растолковать остающимся свои последние открытия. А в Качалове, уже почти не играющем на сцене, с огромной силой вспыхнула другая, поэтическая стихия, и он (всегда любивший поэзию, стихи) так страстно, без усталости все выносил и выносил слушателям то, что не было досказано, довыражено им в театре, но еще могло раскрыться через слово Пушкина, Гете, Блока, Маяковского... Это был его духовный мир, его сокровенное, то, что помогало жить и творить, вопреки старости.

Из этого всего и складывалась легенда. А что в ней поучительно, что недостижимо, что старомодно, а что вечно и прекрасно — об этом всякий человек, причастный к искусству, думает на свой лад...

Н. КРЫМОВА.

